

*Г. А. Ермакова
г. Чебоксары,*

Чувашский республиканский институт образования

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Г.Н. АЙГИ И ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕНА

В статье говорится о наличии типологической общности между художественным миром известного поэта XX века Г.Н. Айги и философскими изысканиями Тейяр де Шардена, обосновывается то, что в основе мировосприятия и художественного сознания поэта просматриваются идеи указанного философа о «фундаментальном единстве» и космической энергии, равномерно распределённой в космическом пространстве. В пределах этой энергии, согласно философу, происходят движения, вибрации, эти вибрации, невидимые глазу, способны ошутить поэт и сказать своё слово, берущее начало у праотцов, несущее свет. По мнению Г.Н. Айги, миротворение продолжается: поэт, касающийся своих истоков, и есть творец Вселенной. Человек, согласно художнику слова, равен Вселенной.

Автор данной статьи обнаружил типологические общности между философскими идеями Тейяр де Шардена и поэзией Айги в подаче отдельных тем : и в трудах философа, и в творчестве поэта говорится о том, что мир омывается светом, что он един и целостен. Это сближает творчество Айги с идеями философа. Обнаружение заявленных общих позиций и привело автора к исследованию художественного мира Айги в свете философских идей Тейяр де Шардена, о чем подробно изложено в монографии автора статьи «Художественно-философский мир Айги: истоки, типологические параллели» (М.: Изд-во ЦГЛ «РАО», 2004.384 с.)

«Универсальным центром», объединяющим поэтическое пространство Айги, является тема света, об этом заметил и сам поэт в статье «Как бы это громко ни звучало»: «... тема света как главная тема всей моей поэзии» [1.С.12]. Через тему света поэт представил «явление абсолютного духа» [8.С.49], «сущее» [8.С.47], о чём немногословно, но ёмко сказано поэтом в стихотворении «Снег за Очаковым (и ты – рисующий)», посвящённом Михаилу Шварцману, художнику-авангардисту:

всё утро с неба формы чистые
валились – божества! – и поле
собранием выглядело их –
и в зреньи – как сёстры многие
толпились – родственные с ними –

вихрь – на бумаге:

движение – расклад – волнение
твоих – «любезных сердцу» – форм.

8 января 1967. Москва, Очаково

(Айги. Снег за Очаковым (и ты – рисующий). 1967 // Мир этих глаз. С. 86)

Согласно Шардену, инстинктивно стремление нашего воображения поток энергии рассматривать как «мимолётные вихри» [22.С.45]. Этот «мимолётный вихрь», то есть невидимый поток энергии, сверху лёг на бумагу, воплотился в форму портрета А. Крученых, портрет, согласно Айги, равен божеству, а божество – снежинкам, энергия картины Михаила Шварцмана, согласно теории Шардена, воздействовал на Айги, родила у него «вихрь». Поэт представил теорию философа – теорию вихревых потоков энергии, которые помогли выстроить форму портрета и стихотворения, поэтому мы называем поэзию Айги и поэзией «вихревых потоков энергии».

Снежинки двигались – «валились», но, упав на поле, стали казаться неподвижным единым целым. Поле, согласно теории Шардена, должно светиться, что мы и видим в стихотворении, в поле «расклад» – «движение» света, отсюда – «волнение», светится каждая снежинка, свет одной, сливаясь со светом другой, образует «вихрь» света, о чём и заметил Шарден в «Феномене человека» [22.С.45], в силу этого мы назовём поэзию Айги «квантовой», то есть состоящей из квантовых частичек света.

В главе «Внутреннее вещей» Шарден пишет: «Всякое тело излучает» [22.С.54].

Научная гипотеза Тейяра де Шардена о развитии Универсума в концентрированной форме представлена в данном стихотворении, где через образ снежинок представлен весь Универсум с центром

творения – Богом. «Чистые формы» снежинок – «любезные сердцу» поэта формы, представляют чистоту Бога. Шарден полагал, что «Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но опутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе» [22.С.199].

Мысль художника слова однородна с мыслью Шардена. Айги считает, что поэт должен быть в положении верующего», что «творческая сила» при «наивысшей достигнутой» однородна с вселенскими творящими силами» [1.С.12]. Точки зрения Айги и Тейяр де Шардена насчёт единого «мыслящего центра вселенной» сходятся. Завершая «Феномен человека», в главе «Сущность феномена человека» философ заметил, что «мыслящие центры вселенной действительно образуют «единение с богом» [22.С.235], но это состояние, согласно Шардену, достигается не путём «отождествления (бог становится всем), а путём дифференцирующего и приобщённого действия любви (бог весь во всём) [22.С.235], что видится нами и в художественном мире поэта: он во всём видит Бога: в поле, цветке, лепете младенца.

В «Феномене человека» говорится о том «биологическом часе», который наступит, приведёт человечество «всё дальше в невероятное, из которого мы вышли» [22.С.217], следуя философии Тейяр де Шардена, поэт говорит о том же «биологическом часе», называя его «золотым часом мира». В художественном мире Айги присутствует тема «тайного соучастия», она представлена в стихотворении «Поле : куст вербы»:

В том Часе золотящийся:

(ведают иль нет? –

(Поле: Куст вербы. 1975 // Теперь всегда снега. С. 134)

Подобная мысль встречается и у философа. Шарден, размышляя о человечестве, пишет: «Мир в его нынешнем состоянии нельзя было бы уразуметь, наличие в нём мыслительности (du reflexi) было бы необъяснено, если бы мы не предположили тайного соучастия...» [22.С.217].

Айги, зная о слабостях человека, его тварности, предостерегает о возможности «контрэволюции», о чём сказано

во многих его произведениях, но особенно трепетно, таинственно, ненавязчиво, без эмоционального всплеска представлено в стихотворении «Жалкий пейзаж неизвестного художника»:

былинки сухие
высокие: так без конца – а из Солнца
льётся – как слово бесстрастное с губ
древнего старца: а бледное: видно:
с трудом вымывается... и не блистательным шумом
более выражен мир: спотыкается им говоримое
сломанным стеблем... другим... продолжаясь
до края земли... – но не выдержал видимо
мастер:
будто вздохнул... — в этом мареве сером
вздрыгнули (чуть различишь)
две-три ромашки.

*(Айги. Жалкий пейзаж неизвестного художника.
1983 // Мир этих глаз. С. 69)*

Герой произведения – мастер – художник – неизвестный. Поэт изображает шаги «контрреволюции»: «сломанные стебли» «до края земли», «видит, что сущее «древнего старца» «вымывается», но невозможно, согласно Шардену и Айги, всё «вымывать», уничтожить, погасить, дух развития не уничтожить, поэтому и «вздрыгнули» на полотне художника «две-три ромашки», как знак присутствия духа. По этому поводу в главе «Завершающий этап Земли», в разделе «Подступы», Тейяр де Шарден замечает: «Не исключено, что по своим индивидуальным способностям и проницательности наш мозг достиг своих органических пределов. Но развитие отнюдь не останавливается. От Запада и до Востока эволюция отныне занята в другом месте, в более богатой и более сложной области – вместе со всеми сознаниями она создаёт дух» [22.С.218].

Тема «духа» – одна из основных в творчестве Г. Н. Айги, поэтому, вероятно, в честь мастера, Казимира Малевича, создаётся им произведение «В честь мастера – несколько абзацев», где представляется как «вымывание» сущего, так и говорится о «творческих пунктах Вселенной», имея в виду единомышленников, сумевших сохранить чистоту, несмотря ни на что:

Здесь,
когда современная поэтическая словесность, бессознательно охраняя
давнюю страсть к
описательности, занята бесконечной инвентаризацией
«нового», технически сделанного» мира, –
здесь,
где мелкость глаголов кажется единственно
сущей под небом пустым – Бессловесием, –
здесь,
движется творящее Слово Поэта – Малевича («распределение масс
звуковых), – «неуклюже»
вырывающееся – «в мировое пространство» («чтобы форма
давала воображению присутствие» этого), намекая на свою
совершенную – в будущем – пластику («мучительное» здесь –
«переходное» Его состояние), –
здесь,
среди веящих судорог того, что не сказано,
держится в движении сплавы–и–глыбы Слов, а верней –
Словосмыслов, – «творческие пункты Вселенной» вокруг
Созидающего.

15 мая 1991

*(Айги. В честь мастера – несколько абзацев. 1991// Мир
этих глаз. С. 40)*

В первых двух абзацах Айги говорит о мелкословье в
литературе XX века, третий посвящает творящему слову Малевича,
которое «вырывается» в «мировое пространство». Мы позволим
привести одно из творений мастера:

Я начало всего, ибо в сознание моём
создаются миры.
Я ищу Бога, я ищу в себе себя.
Бог всевидящий, всезнающий, всесильный.
Будущее совершенство интуиции как вселенского
мирового Сверх-Разума.
Я ищу Бога, ищу своего лика. Я уже начертил
его силуэт
и стремлюсь воплотить себя.
И разум мой служит мне тропинкою к тому, что
очерчено интуицией.

1913

*(Казимир Малевич. Из неопубликованных
стихотворений. 1913. Цит. по: Мир этих глаз. С. 25)*

В этом произведении имеются точки соприкосновения с философией Тейяр де Шардена в отношении «мирового сверх-Разума».

Четвёртый абзац есть сконцентрированное представление философского труда Тейяр де Шардена «Феномен человека». Айги чувствует направляющие векторы развития через «веющие судороги». Эти векторы представлены в «Феномене человека» в главе «Завершающий этап Земли», где говорится: «Я различаю три главных линии... — организация научных исследований, сосредоточение их на человеке, соединение религии и человека» [22.С.218].

Айги говорит о сплаве, который «держится в движении», два сплава (наука и религия), согласно Шардену, должны двигаться навстречу друг другу «путём синтеза» [22.С.222]. Шарден считает, что «вера в безмерно притягательный центр личности» есть «связующее вещество» на пути эволюции [22.С.223]. Малевич говорит о поиске этого центра в себе самом, Айги же — о «творческих пунктах вокруг Созидающего», мысли того и другого созвучны тезису Тейяр де Шардена, в котором говорится о том, что «ноогенез» поднимается ввысь в человеке и через человека к «трансцендентному центру», который покоится в «боге-омега» [22.С.225]. Тема Духа, его сохранения в художественном пространстве Айги — одна из основных, беспокоит она и философа.

Достичь этого развития, не дать победить «контрэволюции» возможно лишь, согласно Шардену, при «возрастающем напряжении духа на поверхности земного шара» [22.С.224]. Мысль философа соприкасается с мыслью Малевича («стремлюсь воплотить себя» — в приведённом нами стихотворении), Айги: «Благодаря Ницше я впервые понял, что существует Дух, понятие Духа — это не просто слово, а реальное явление, что Человек — это Дух. И Дух и Человек — это понятие тождественное» [4].

Человека поэт приравнивает Духу, по этой, вероятно, причине, у него множество произведений, где говорится о духе как силе чистой, преобразующей, высшей. Дух он приравнивает Богу, чью чистоту видит в поле, так, в стихотворении «Утешение: поле» мы видим поле, равное «духу»:

в образе — в прахе (как в облаке алом):
поля (как в зареве):

поля (как духа):
ты пребывай
о молитва (бессонница) –
словно окрашиваясь! –
радую (слабого):
(о из огня его:
долго:
до грусти!) –
словно в соборе! —
свободно окрашиваясь:
(зная что будет):
и мысль не приемлющее! –
вечно (как ветер – собор бесконечный):
о независимо!
(ибо без праха):
без столкновения:
поле (как дух).
1967

(Айги. Утешение: поле. 1967 // С. 97-98)

Поле для Айги – место пребывания духа, оно из «огня его», поэтому в поле поэт чувствует себя как в соборе – месте пребывания Бога; при этом он знает, что многие с ним не согласятся, не примут его мысли:

(зная что будет):

и мысль не приемлющее! –

но поле, как ветер, как собор бесконечный, поэтому оно независимо, поэтому оно дух:

поле (как дух).

Ритмический рисунок поля поэту удалось представить через сочетания звуко-букв слова «поля»: 1 «ло», 2 – 5 «ол», 6 «ло», 7 «ла», 8 «о», 9 «ол», 10 «о», 11 «ло», 12 «о», 13 – 15 – 17 «о», 18 «ол», 19 (поле), что придало тексту выразительность, красоту. Мы видим, что поэт мыслит ритмами, они представлены через слова, имеющие сущностное значение. Обозначим эти слова и попытаемся определить их значения (номера строк представлены в скобках):

1.(1) «Облако» (представляет мир горний, место обитания духа).

2.(2) «Поле» (как место пребывания Бога).

3.(3) «Поля» (анафора – повтор слова «поля» – говорит о значимости этого образа для Айги).

4.(5) «Молитва» (процесс прикосновения при помощи слов к божественному).

5.(6) «Словно окрашиваясь», (при помощи молитвы происходит окрашивание в цвет «огня», то есть чистоты).

6.(7) «Слабого» (и слабый возрадуется при прикосновении к чистоте).

7.(8) «О из огня его» (поэт говорит, что поле возникло из огня Бога, поэтому он просит долгого (вечного) пребывания этого огня; поэту трудно видеть «поле в прахе», он желает его видеть долго «в огне»).

8.(9) «Долго» (процесс прикосновения к чистоте поэт желает продлить до бесконечности).

10.(11) «Словно в соборе» (поэт, сравнивая поле с собором, вновь говорит о его равенности Богу).

11.(15) «Вечно собор» («собор бесконечный» – то есть чистота бесконечная должна пребывать в мире, превратившего поле «в прах»).

12.(16) «О независимо!» (поле рождает независимость от суеты, то есть оно хранит мудрость).

13.(19) «Поле (как дух)» (в завершающей, девятнадцатой, стихотворной строке слово «поле» повторяется третий раз как знак возрождения вечного пребывания духа в пространстве поля).

Слово «поле», повторённое трижды, указывает на то, что это стихотворение подобно молитве, ибо повторы характерны как для молитвы, так и для заклинаний, что видно в чувашских языческих заговорах, их сакральную функцию Айги переносит на поэзию.

Поэт не описывает поле, он представляет его в качестве носителя духа, подобную мысль он желает внушить нам, но опасается того, что люди этого могут не понять, как в своё время опасался и Тейяр де Шарден, говоря, что «наш же дух – статья особая. Как бы материалистически ни рассуждали первые эволюционисты, им не приходила в голову мысль, что их разум учёных сам по себе имеет некоторое отношение к эволюции» [22.С.176].

Айги просит , чтобы ему открылся дух тишины-Иисуса:
а ослепи и прими:
и открытая – коль есть обнаружится:
О тишина-Иисус!..

Как и философ, поэт желает донести до нас мысль о наличии присутствия духа.

Обрагимся к стихотворению «Утро – при детстве другого», посвящённое сыну Андрею, где поэт задаёт вопрос, обращаясь к тени:

что одекаешь? что ты оставяешь
о тень!
возможно – смысл?...
некой сущности? – возможно
неведомой тебе самой?

Поэт спрашивает о возможности существования «некой сущности», что «древней, чем разрешение во времени», отвечая на этот вопрос, он, как и Тейяр де Шарден, говорит:

чему-то – в мире быть?

Используя форму риторического вопроса, он ответил на поставленный вопрос: «чему-то в мире быть». О наличии чего-то пишет и Шарден: «Но как тончайший флюид, пространство-время, заполнив наши тела, проникает в нашу душу»[22.С.176].

Этот «флюид пространства-времени» он называет «духом» [22.С.176]. С точки зрения философа, «этот флюид», заполняет нашу душу, «смецивается с её свойствами до такой степени», что «душа уже не знает, как отличить от него самого себя» [22.С.176]. Шарден, называя это явление «поток», замечает о том, что от него ничего не ускользает, но «поток» духа, по мнению философа, открывается лишь умеющему видеть, поэтому он произносит: «Для того, кто умеет видеть, очевидно, что от этого потока, о котором можно судить лишь по возрастанию сознания, ничего больше не ускользает, даже то, что находится на вершинах нашего бытия» [22.С.176].

Айги умеет видеть этот «поток», он его видит в виде ветра как «собора бесконечного» (Утешение: поле. 1967), проникающего «сквозь короны светил»:

ветр – до земли – сквозь короны светил:

(Айги. Поле за Ферантонтовым. 1967 // Теперь всегда снега. С. 71)

По этой причине мы вправе назвать поэзию Айги «квантовой»: как частички света собираются в один поток света, так и «кванты» художественного пространства поэта образуют единый лексико-семантический поток света-сиянья, о чем подробно сказано в монографии автора данной статьи «Художественно-философский мир Айги: истоки, типологические параллели» (М.: Изд-во ЦГЛ «РОН», 2004. 384 с.) Этот «ветр» «без шума и веса» проникает в «поляну», которая при этом превращается в «поляну-окно», потому что её посетило «небо-окно», то есть дух неба. «Небо-окно», надо понимать Бог, посетило им сотворённое – поляну, превратив тем самым её в «поляну-окно».

Этот поток, по Айги, доходит и до людей:

в отверстие – веянье:
в окно человека
(над полем по полю):
в чистую Чашу
ума-восприятия!.. –
и – в довершение мира соборно-сияющего:
творящее Смысло-Веленье своё
(Разговору подобное)
Светоналичностью:
ветр-озаренье! – из солнца-окна удаляющегося:
в ясное:
незамутнённое:
поле-окно.

(Айги. Поле за Феррапонтовым. 1967 // Теперь всегда снега. С. 71-72)

Согласно Шардену, о присутствии духа можно судить лишь «по возрастанию сознания» [22.С.176], это созвучно Айги, так как «взрастить сознание» можно, приняв в «чистую чашу» ум, потоком ниспускающимся с «неба-окна», такое наполнение, по Айги, подобно разговору:

Разговору подобное.

Это есть, мы считаем, разговор человека с тем «потоком», о котором пишет Шарден, называя его духом, для того, чтобы через него наполниться «Светоналичностью», чтобы увидеть этот поток:

ветр – озаренье!

Поэзия Айги – это поток света в душу, читающего его творения, он называет этот момент «озарением», а Шарден задаёт вопрос: «Не является ли феномен возникновения (следует понимать сознания, духа. – Г. Е.), тем самым актом, посредством которого острие нашего ума проникает в абсолютное?» [2.С.176]. Поэт смог, согласно философу, проникнуть в «абсолютное», «в поток», исходящий, по Шардену, «из точки Омега» [22.С.233]. Айги, как и Шарден, говорит об «однородности» всего в объективном мире, называя эту «однородность» по-своему красиво и тонко: «самоберегущее единство», мир же сравнивает с единым «светлым мирным домом» (см.: ст. Солнце: березы // Феномен человека. С.175). С точки зрения поэта, «самоберегущее единство», пребывая «безущербно», на человечество оказывает действие, это действие поэт называет по-разному, всякий раз глубоко и тонко: «Смысло – Веленье», «Светоналичность» (Поле за Ферাপонтовым, 1967); «огонь не-жгущий» (Место: в лесу: за оградой, 1967); «Высший Призыв» (Поле: колосится овёс, 1969). Согласно поэту, Дух пребывает повсюду. Он и в колосившемся овсе, и в дереве, и в каждой травинке...

Айги обозначает цель своего творчества: «Во имя всего, что – там». Там – это слово знак, знак присутствия памяти о праотцах, «воспевавших плечами», о Тура, едином Верховном Боге наших предков, о небе, где молчание Бога, где начало света, что исходит и на Айги. Мысли Айги о «струящейся цельности» [7.С.171], «единой Ёмкости» [15.С.68], «чувства мира – как Универсума, где всё едино» [6.С.34], «мире соборно-сияющем» [7.С.71], «самосберегающем единстве пребывающем» [6.С.27] близки мыслям Тейяр де Шардена о «фундаментальном единстве» [22.С.44-45], «целостном ансамбле», «сотканности частей», «организованной совокупности» [22.С.46].

Исходя из вышеизложенного, исследователь делает вывод о том, что типологическая общность лирического мира Айги и философии Тейяр де Шардена существует, что в основе мировосприятия и художественного сознания Айги-Айхи просматриваются идеи указанного философа о «фундаментальном единстве» и космической энергии, равномерно распределённой в космическом пространстве. В пределах этой энергии происходят

движения, вибрации, эти вибрации, невидимые глазу, способен ощутить поэт и сказать своё слово, берущее начало у праотцов, несущее свет. По мнению Айги, миротворение продолжается: поэт, касающийся своих истоков, и есть творец Вселенной. Человек, согласно поэту, равен Вселенной.

Литература

1. Айги Г. Н. Как бы это громко ни звучало: Виталию Амурскому: (Г. Айги о философии Г. Айги) // Чăваш ен. – 1994. – 20–27 авг. – С. 12.

2. Айги Г. Н. Здесь. Избр. стихотворения, 1954-1958. – М.: Современник, 1991. – 288 с.

3. Айги Г. Н. Памяти музыки. К 200-летию со дня рождения Франца Шуберта. Чебоксары: Русика; Лик Чувашии, 1998. – 52 с.

4. Айги. Г. Н. Поэзия нужна как ветер // Русская мысль. – 22. 12. 94. – 4. 01. 95.

5. Айги Г. Н. Речь при получении Международной Македонской премии «Золотой венец» // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 51.

6. Айги. Г. Н. Разговор на расстоянии: (Ответы на вопросы друга) // Лик Чувашии. – 1994. – № 4 – С. 27-37.

7. Айги. Г. Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. 1999-1989. – М.: Сов. писатель, 1992. – 320 с.

8. Бирюков С. Е. // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 47.

9. Гершензон М. О. История молодой России. – М.; П.: Госиздательство, 1923. – 302 с.

10. Ермакова Г. А. Философские мотивы творчества Айги и восприятие их читателем. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. – 187 с.

11. Конрад Н. И. Запад и Восток: Ст. – М.: Гл. ред. вост. литературы, 1972. – 495 с.

12. Культура Чувашского края. : Учеб. пособие. Ч. 1. / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др.; Сост. М. И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 351 с.

13. Леви-Стросс К. Структурная антропология : Пер. с фр. – М.: Наука, 1983. – 536 с. Из содержания: Структура мифов. – С. 183-208.

14. Мень А. О Тейяр де Шардене // *Вопр. философии.* – 1990. – № 12. – С. 89-102.

15. Мир этих глаз. Айги и его художественное окружение: Альбом-каталог / *Чуваш. гос. худ. музей.* – Чебоксары, 1997. – 176 с.

16. Мистика XX века // *Энциклопедия: Пер. с англ. Д. Гайдук/ Сост. Э. Вандерхилл; пред. и общ. ред. А. Ровнер.* – М.: Миф-Локид, 1996. – 552 с.

17. Могилевская А. Исцели свою жизнь. – СПб.: Диля, 1998. – 160 с.

18. Пагани-Чеза Дж. Заметки по исследованию чувашского мира в поэзии Г. Н. Айги // *Лик Чувашии.* – 1997. – № 2. – С. 11-126.

19. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм / *АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1991.* – 319 с.

20. Пантеизм // *БСЭ.* – М.: Сов. энцикл., 1976. – Т. 25. – С. 362.

21. Рашковский Е. Б. Пастернак и Тейяр де Шарден // *Вопр. философии.* – 1990. – № 8. – С. 160-166.

22. Тейяр де Шарден. Феномен человека: Пер. с фр. Н.А. Садовского / *Пред. и коммент. Б. А. Старостина.* – М.: Наука, 1987. – 240 с.

Typological Identification of the World of Aigy's Art & Teyar de Sharden's Philosophical Ideas.

G.A.Ermakowa

Summary

The article speaks about some typological identification of Aigy' & Sharden's creative works. The conclusion is based on the fact that AIGY like the philosopher has an idea about the basic unit & a space energy that is evenly spread in space.

According to the philosopher in space there is really movement. Some kind of vibration that can't be seen with eyes but with some special feelings. Only poets can feel them & are able to express it with words. This ability is usually inherited from ancestors. In Aigy's opinion the creation of the world is going on. The poet who takes his source is a creator of the Universe. According to the point of the poet's view the man is equal to the Universe.